

Писатель Фёдор Александрович Абрамов (1920–1983) и литературовед Виктор Васильевич Гура (1925–1991) в середине 1950-х годов были известными шолоховедами и поначалу знали друг друга заочно. В 1953 году между ними завязалась переписка. Продолжалась она до 1958 года. В 1955-м Ф. Абрамов и В. Гура решили совместно написать семинарий по творчеству М. А. Шолохова. Работа длилась три года и, судя по письмам, оказалась довольно хлопотной из-за расстояния между авторами: Гура преподавал в Вологде, в местном пединституте, а Фёдор Абрамов жил в Ленинграде и работал доцентом кафедры советской литературы в ЛГУ. Впрочем, Абрамов приезжал в Вологду. Ирина Гура, супруга Виктора Гуры, вспоминала: “Фёдор Александрович в связи с работой над этой книгой жил у нас почти месяц. Тогда ещё его знаменитые романы были только в проекте. Он был известным литературоведом, преподавал в Ленинградском университете. Работали оба запоем, не замечая времени” (Ирина Гура. “Я помню его разным... // Виктор Гура – учёный и писатель”. Вологда: ВИРО, 1997. С. 49). Виктор Гура, в свою очередь, тоже бывал в северной столице, и вскоре они стали дружить семьями. Абрамов называл Гуру в письмах: “Дорогой друг!” – они вместе отдыхали, особенно любили ездить в Трускавец.

В 1958 году семинарий вышел из печати (Абрамов Ф. А., Гура В. В. “Михаил Шолохов”. Семинарий. М., 1958), и тут же возник жесточайший конфликт между соавторами: “. . . книга получилась хорошая, но через некоторое время между двумя её создателями “пробежала кошка”, которая, к сожалению, прервала эту дружбу” (Ирина Гура. “Я помню его разным...” С. 50). Из-за чего же они поссорились, в чём была причина столкновения? Она могла быть связана с научными или идеологическими разногласиями (и они были, но не стали основной причиной разрыва), но оказалась куда более прозаичной, а если смотреть из нынешнего времени, то даже анекдотичной. По устному свидетельству вдовы Виктора Гуры, Ирины Викторовны, шолоховеды рассорились из-за порядка фамилий на обложке совместной книги. Большая часть материала была написана Виктором Гурой, и Абрамов это подтверждал: “Моя доля в книжке очень скромна” (из письма Ф. Абрамова Гуре от 14 февраля 1958 года; Государственный архив Вологодской области (ГАВО), фонд

№р-5081), и, соответственно, вологодский исследователь рассчитывал на то, что его фамилия будет стоять первой. Однако в семинарии “первым номером” оказался не Виктор Гура, а Фёдор Абрамов. (Потом, в 1962 году, во втором издании книги, фамилии поменялись местами. — **В. Б.**) Гура даже подозревал Абрамова в корысти: “Никаких корыстных целей у меня не было и нет. И, право, я не заслуживаю многих упрёков, которые Вы адресуете мне” (из письма Ф. Абрамова Гуре от 2 января 1958 года; ГАВО, фонд № р-5081). Обида оказалась настолько серьёзной, что вчерашние друзья прекратили общаться. Лишь в 1973-м Абрамов потребовал (и не в первый раз) от Гуры возвратить свои письма: “Виктор Васильевич, ещё раз прошу Вас вернуть мне мои письма. Зачем они Вам? Ведь ни Вы, ни Ваши потомки всё равно никогда не смогут использовать их, а что касается наших отношений, то они — и так не идеальные — будут безнадежно испорчены. Ф. Абрамов” (письмо Фёдора Абрамова Гуре от 14 марта 1973 года; ГАВО, фонд № р-5081). В 1979 году Абрамов в очередной раз напомнил Гуре об относительно недавнем обещании вернуть письма автору: “Виктор Васильевич! Уже больше двух лет я терпеливо жду обещанных писем и не понимаю, что же Вас удерживает от благородного поступка? Поверьте, если бы я в запале (состоянии довольно привычном для меня) не уничтожил Ваших писем, я бы их вернул Вам по первому требованию. А как же иначе? Как можно распорядиться какими-либо бумагами вопреки воле их автора? Это в наш просвещённый век исключено, и я не сомневаюсь, что Вы не захотите со мной ссориться. Остаюсь в надежде на получение своих писем в ближайшее время. Фёдор Абрамов” (письмо Ф. Абрамова Гуре от 21 января 1979 года; ГАВО, фонд № р-5081). Виктор Гура ответил: “Теперь Вы пишете, что в наш просвещённый век, дескать, нельзя вопреки воле автора распорядиться какими-либо бумагами. Согласен с Вами. Но на каком же тогда основании именно так Вы распорядились моими письмами? И почему Вы считаете себя вправе кого-либо ставить в неравные условия или что-то диктовать?” (из письма Ф. Абрамову от 31 марта 1979 года). В июне 1979 года Фёдор Абрамов отправил в Вологду последнее письмо: “Виктор Васильевич, я ничего Вам не диктую, я только смиренно прошу. Ну, а если Вы считаете столь бесценными мои письма, что не можете с ними расстаться, что ж, пусть они останутся у Вас. Я только хочу сказать на прощанье: они никогда не увидят света — ни при нашей с Вами жизни, ни после. Об этом уж я позабочусь. И последнее: с великой бы радостью вернул Вам все Ваши статьи и рецензии, в своё время присланные мне, но их у меня нет. Я их ликвидировал вместе с письмами, когда чистил свои бумажные и книжные хлевы, о чём сейчас искренне сожалею. От всей души желаю Вам больше не болеть и навсегда позабыть дороги в больницу. Ф. Абрамов” (письмо Ф. Абрамова Гуре от 14 июня 1979 года; ГАВО, фонд № р-5081).

Письма Виктора Гуры соавтору Фёдору Абрамову хранятся в Государственном архиве Вологодской области (ГАВО), фонд р-5081, опись № 319. Они не исследовались, и теперь мы имеем возможность их опубликовать.

ПИСЬМА ВИКТОРА ГУРЫ ФЁДОРУ АБРАМОВУ

26.1.54 г.

Дорогой Фёдор Александрович!

Сердечное спасибо за товарищеское письмо, которое, как я думаю, явилось началом хорошего творческого содружества и обмена горячо интересующими нас вопросами.

Откровенно говоря, я ещё не знал, куда определить статью о новой редакции “Тихого Дона”. Ваша инициатива опубликовать эту работу после её завершения в “Новом мире” приятно обрадовала меня. Я хотел бы, конечно, написать интересную статью (1). Намереваюсь показать, как Шолохов раньше, до этого издания работал над печатными текстами романа, учитывая критические замечания Горького, как он теперь основательно поработал над языком, как политически остро оценивает корниловщину, какие существенные изменения вносит в описание революционного движения на Дону и в характеристику

его участников Подтёлкова, Кривошлыкова (на основании известных мне и использованных Шолоховым материалов) и т. д. Не знаю, насколько эта моя работа будет “проблемной”, но, во всяком случае, интересного материала по правке “Тихого Дона” значительно больше, чем по направлениям, сделанным Шолоховым в “Поднятой целине” и осмысленным И. Г. Лежневым (2). Разумеется, я сделал бы предложение по этой статье А. Г. Дементьеву, но не знаю его имени и отчества. Очень бы просил Вас сообщить мне, если это не затруднит, куда написать ему (3).

Я уже писал Вам, что совместные усилия в создании семинария по Шолохову дали бы значительно лучшие результаты, поэтому чрезвычайно рад тому, что Вы согласны на эту работу. Повторяю, что мною кое-что уже сделано, поможет и собранная библиография. Полагаю, что проводить какую-либо предварительную работу по сбору материала нам, видимо, не придётся. Пожалуй, лучше, как мне кажется, начать с составления, согласования и утверждения тем и библиографии к ним, а затем писать статью с обзором критической литературы о Шолохове.

Меня устраивает и то, что Вы сможете заняться этой работой в сентябре месяце, т. к. и мне до этого времени надо закончить книжку о Шолохове для “Учпедгиза” (4).

Что касается необходимости первоначальной публикации семинария в издательстве ЛГУ без гонорара, то это обстоятельство, хотя и не совсем приятное своими условиями, не должно, во всяком случае, определять наших намерений и затруднять нашу работу (5).

Относительно моего переезда — всё пока весьма неопределённо. Мне бы хотелось основательно поселиться в каком-либо южном городе, попасть в среду активно работающих литературоведов, переехать туда, где могут обеспечить необходимые для работы квартирные условия. У меня была возможность поступить на работу в Москве, но из-за отсутствия квартиры я вынужден был отказаться от этой возможности. По этим же причинам меня не может удовлетворить и Ленинград, если бы там оказалась работа для меня (6).

С Шолоховым установить рабочие связи очень трудно и вряд ли возможно. За все годы работы над его творчеством я получил лишь два коротких письма от него, ничего не дали и те короткие встречи, которые были за это время (7). С Шолоховым я знаком с 1942 г., хорошо знаю и Светлану. Кстати, она всё ещё живёт в Л-де? Учится ли она в ЛГУ?

Желаю Вам всего доброго. Пишите о новостях, об успехах. Рад буду от всей души разделить их с Вами.

С уважением Виктор Гура.

P.S.: Лишь сегодня получил Вашу статью о типическом. Прочёл её сейчас и нахожу, что в ней — ряд дельных мыслей и свежих критических замечаний. В своё время я делал подобный доклад на философском семинаре, читаю лекцию в городе “XIX съезд КПСС и задачи советской литературы”, но всё это до сих пор не опубликовано и вряд ли заслуживает этого после появления Вашей и других работ.

* * *

27 янв. 58 г.

Дорогой Фёдор Александрович!

Большое Вам спасибо за Ваше большое участие в подготовке семинария к печати. Уезжая, я, откровенно говоря, не предполагал, что на Вас падёт такая работа. Я рассчитывал на стилистические поправки, всегда неизбежные и полезные, и думал, что с Вами, как и со мной, их согласуют — и всё! Что же касается второго экземпляра рукописи, отсутствие которого доставило столько хлопот, то ведь действительно **ни одно** издательство не требует его, да и в нашем договоре написано: “Труд автор обязуется сдать “Учпедгизу” в готовом для печати виде переписанного на пишущей машинке или удобочитаемого рукописью (даже так!) экземпляра” (а не экземпляров!). Конечно, наша рукопись была вовсе не идеальной, но адресовать все упреки только мне было бы тоже не совсем справедливо. Я ведь готов был отдать второй

экземпляр (он был со мной), но в нём не было Вашей части, её надо было вычитать, нумеровать рукопись и т. д.

Судьбу семинария я принимаю близко к сердцу, т. к. отдал ему много сил, поэтому особенно тяжело переживаю всякие неполадки и не устраивающие меня сокращения и исправления, хотя, кажется, должен бы был привыкнуть. Ни одна ещё книга не вышла у меня в том виде, в котором была задумана. Издатели, как Вы знаете, выбросили из книги о Шолохове целые главы (“Шолохов в годы войны”, “Шолохов после войны” и др.), а потом сами же говорили мне, что поступили неправильно (8). Боюсь, что может и сейчас произойти та же история, и очень страдаю, что не могу из-за отдалённости сам активно отстаивать свои позиции, а Вы сдаёте их. Огорчён и тем, что у нас, как выясняется, нет принципиальной договорённости и общности взглядов. Ведь не кто иной, как Вы, советовали мне раньше, чтобы настаивали на включении в семинарий иностранных изданий произведений Шолохова, а теперь даже полноту в описании русских изданий готовы назвать “бухгалтерией”. Я не цепляюсь за иностранные издания и готов пойти на их изъятие, но что касается перечня изданий книг, статей, переводов Ш-ва на рус. язык, то я **настаиваю** на всей полноте, которая есть в семинарии. И это ведь не настаивала Служба – “Как решила К. Д. Муратова, так и будет!” Есть ведь автор, и от него, прежде всего, должно зависеть решение этих вопросов, его сначала надо спрашивать, а получается так, что меня ставят перед уже свершившимся фактом: так должно быть!.. [Письмо не окончено. – **В. Б.**].

* * *

7.2.58 г.

Дорогой Фёдор Александрович!

Ваше письмо получил. Вы, разумеется, вправе отстаивать свои позиции, я же имею свои взгляды и своё отношение к тому, что мною сделано в “Семинарии”. По всей вероятности, в моих, как и в Ваших суждениях, есть много субъективного, и каждый из нас, в конце концов, имеет право на это субъективное. Согласен с Вами, что теперь трудно дискутировать, книга ведь, кажется, в наборе...

...Одно меня угнетает в этом деле. Это то, что я лишён возможности отстаивать свои позиции в издательстве, высказывать свои взгляды, как это делаете Вы. Из “Учпедгиза” я не имею никаких известий и не знаю, где сейчас находится рукопись... Каникулы проходят, а я всё ещё ничего не сделал, и за новую работу не взялся. Наши “Учёные записки” свёрстаны и скоро выйдут в свет. Редактировал справочник “Писатели-воложане”, готовим новый альманах, “Избранное” Гиляровского (9).

Что новенького у Вас? Как идёт работа над книгой? Сердечный привет Людмиле Влад. и всем знакомым.

Всего доброго! Виктор Гура.

* * *

17.2.58 г.

Дорогой Фёдор Александрович!

Вчера ночью получил телеграмму от гл. редактора с просьбой приехать или позвонить до вторника. Сегодня разговаривал с М. Н., а к полудню пришло и Ваше письмо.

Теперь у меня более или менее ясная картина: унификацией и стандартизацией усердно занимается самодурша, именуемая главным редактором. Я давно знал, что под крылом АПН расцветает... [неразборчиво. – **В. Б.**], отстаиваемое с идиотским упрямством и выдаваемое за науку, но такое... Поганой метлой гнать надо из издательства эту властную бабу, иначе она ещё много вреда принесёт делу! Я лично приложу все силы, чтобы выжить её оттуда, сегодня же о её самодурстве напишу в Моск. отд. “Учпедгиза”. Какое

она имела право заявлять Вам, что снимет книгу с плана, если Вы будете настаивать на нашем названии семинара?

М. Н., по всей вероятности, боится потерять своё место, поэтому, не вдумываясь даже, полностью исполняет любое указание гл. редакторши. Я это понял тогда, когда его по телефону спросил: “Почему Вы не ссылаетесь на архив... “Из писем Жарова и Гуры?” Где находится это письмо? Женщина эта (М. Н.) хороша, сердечная, добросовестная и трудолюбивая, но доказать что-либо этой Соболевой и она не в состоянии.

Ну, бог с ними! Я со многим уже примирился. Об иностр. изданиях — не жалею, а вот русские **очень** нужны были — это я точно знаю! По себе знаю! Название семинария мне, как и Вам, не по душе, хотелось бы отстоять наше, но что поделать, если в данном случае всё зависит от барана, упёршегося в ворота.

Вы пишете о наших претензиях, которые я предъявлял Вам... Ничего подобного с моей стороны не было, а было лишь желание выяснить истинную картину дела и прямой, откровенный ответ на Ваше столь же откровенное письмо. Я искренне высказал свои суждения, делился своими огорчениями, которые Вы почему-то приняли как чуть ли не оскорбительные претензии к Вам. Возможно, я был и не прав, отстаивая то, что не следовало отстаивать, но я считал необходимым непосредственно высказать всё это Вам. Вместе с тем, как Вы помните, я уже имел возможность поблагодарить Вас за участие в судьбе семинария, за те усилия, которые были приложены Вами и которые отрывали Вас от работы. Очень прошу Вас возникнуть в ходе переписки споры воспринимать как чисто деловые споры и завершить их этим письмом. Думаю, что, если бы я был в это время в Л-де, они бы не возникли и вообще — “личный контакт” куда лучше переписки, в которой многое можно трактовать по-разному.

Завтра, как сказала мне М. Н., семинарий идёт в набор, если, конечно, гл. редакторша не придумает новой “свистопляски” на его страницах. Очень бы хотелось, чтобы книга была приличной, но я, откровенно говоря, боюсь, что кое-где правки и сокращения привели к ухудшению рукописи. С интересом и тревогой буду читать вёрстку.

Если будете в изд-ве, попросите М. Н. переслать мне 2-й экз. “Хроники” (я забыл сегодня сказать ей об этом). И ещё одна просьба: нужно проставить страницы, заполненные рассказами “Чужая кровь” (по сб. “Лазоревая степь”. М.: Нов. Москва, 1926), “О Донпродкоме и злоключениях заместителя Донпродкомиссара товарища Птицына” (по сб.: Лазоревая степь. М.: Москов. тов-во писателей, 1931) и страницы выступления Фейхтвангера о Ш. (“Книга и пролетарская революция”, 1937, № 2). В Вологде этих изданий нет, и я лишён возможности сделать что-либо сам, а М. Н. меня одолевает запросами. Очень прошу.

Почему Вы ничего не пишете о своих делах? Что новенького у Вас, на кафедре, в Л-де? Сердечный привет Людмиле Влад... от Иры и от меня.

От души желаю всего доброго!

Ваш В. Гура.

* * *

31.3.79 г.

Фёдор Александрович!

Вашу записку я получил, находясь в больнице. Тут и вспомнил о том, что В. Белов в поезде на пути из Москвы после съезда уговаривал меня вернуть Вам письма, ссылался на Ваши слова о том, что я нарушил какие-то авторские права, и твердил что-то совсем нелепое. Это и насторожило меня в отношении Вашей просьбы.

Теперь Вы пишете, что в наш просвещённый век, дескать, нельзя вопреки воле автора распоряжаться какими-либо бумагами. Согласен с Вами. Но на каком же тогда основании именно так Вы распорядились моими письмами? И почему Вы считаете себя вправе кого-либо ставить в неравные условия или что-то диктовать?

Ещё никто и никогда не требовал у меня возвращения писем своих, как не требовал этого я у своих бывших или настоящих корреспондентов. И всё-таки, как только появятся у меня силы и возможности, я постараюсь заняться своим архивом и отыскать Ваши письма, и вернуть Вам то, что найду.

В. Гура.

P.S.: В свою очередь, прошу возвратить мои статьи и рецензии о книгах И. Лежнёва, Ю. Лукина, Л. Якименко, которые я посылал Вам в своё время для Вашего обзора (10).

В. Г.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- 1 Статья В. Гуры в “Новом мире” не была опубликована.
- 2 Исайя (Исай) Григорьевич Лежнёв (имя при рождении – Исаак Альтшулер (1891–1955) – советский публицист и литературный критик, бессменный редактор журнала “Новая Россия”.
- 3 Александр Григорьевич Дементьев (1904–1986) – русский советский литературовед, критик и педагог, журналист, военный корреспондент. В 1953–1955-м и с конца 1959-го года – заместитель главного редактора журнала “Новый мир”.
- 4 Учебное издательство “Учпедгиз” (“Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР”) создано в 1930 году постановлением ЦИК и СНК СССР на базе литературно-издательского отдела Наркомпроса. Впоследствии – издательство “Просвещение”.
- 5 Публикация семинария в издательстве ЛГУ не состоялась.
- 6 Вскоре Виктор Гура получил квартиру в Вологде, и все последующие годы работал в областном центре.
- 7 Подробно об этих и других встречах Виктора Гуры с Михаилом Шолоховым рассказано в статье В. Гуры “Издали и вблизи (о Шолохове)” в сборнике “Виктор Гура – учёный и писатель” (Вологда: ВИРО, 1997. С. 221–262), который вышел через шесть лет после смерти литературоведа. В этой же статье впервые опубликованы несколько писем М. Шолохова, отправленных в разные годы в Вологду.
- 8 Речь идёт о книге Виктора Гуры “Жизнь и творчество М. А. Шолохова: Пособие для учителей, М.: Учпедгиз, 1955. 208 с.
- 9 Учёные записки Вологодского государственного педагогического института, т. XXII вышли в 1958 году; к справочнику: “Писатели-вологжане (1917–1957)”. – Вологда, 1958 В. Гура написал предисловие; альманах “Литературная Вологда”, вып. 4” издан в 1958-м; вместо “Избранного” Вл. Гиляровского появилась книга: Гиляровский Вл. Мои скитания. – Вологда, 1958.
- 10 Лежнёв И. Г. (1891–1955), Лукин Ю. Б. (1907–1998), Якименко Л. Г. (1921–1978) – специалисты-шолоховеды.